

Pospíšil, Ivo

Масарик, Ленин, революция и литература

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 1, pp. [95]-111

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130233>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Иво ПОСПИШИЛ
(Брно)

Масарик, Ленин, революция и литература

Masaryk, Lenin, Revolution, and Literature

The author of the present article deals with the relation of Lenin's and Masaryk's work, with the literariness of Russian revolutions accentuating the necessity of the realistic and critical study and the revaluation of the heritage of Russian revolutionary democrats also including Lenin's heritage as a representative of the Russian radical realistic movement connected with the methodology of revolutionary democrats and radical marxists.

Key words: Lenin; Masaryk; literariness of the Russian revolution; Zdeněk Nejedlý; realistic and critical approach to Lenin's work; revaluation of the heritage of Russian revolutions

Феномен русских революций является мировым феноменом, повлиявшим на развитие всей истории XX века. Иногда говорится о русской революции как о едином стремлении к социальным переменам в царской России, но при этом смешиваются понятия революция 1905–1907 годов, революция февраля/марта 1917-го года и октябрьская/ноябрьская революция 1917-го: в этом смысле в одинаковой мере революционерами можно считать как Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941; после поражения первой русской революции эмигрировал в Париж, после амнистии Николая II вернулся в Россию,

но после победы большевистской революции вернулся опять в Париж с женой Зинаидой Гиппиус, даже на ту же самую квартиру, так и эссера Александра Федоровича Керенского (1881–1970; по происхождению, как и Ленин, из Симбирска, до сегодняшних дней носящего имя Ульянова-Ленина, отец Керенского учил Ленина в Казанском университете), или Владимира Ильича Ленина (1870–1924). В этом смысле можно понимать революцию как широкое социально-критическое и культурное движение, неотъемлемой частью которого является вся классика золотого и серебряного веков, или точнее было бы сказать, что именно эта литература и создала революцию или, как минимум, создала ее образ в предварительном, актуализированном, прогностическом виде.

В то время как вплоть до 80-х лет XX века происходили события, связанные с русскими революциями и поддержкой их большевиками, включая сталинскую диктатуру, предавшую революцию, так и не оконченную (как говорили о ней Лев Троцкий и Исаак Дойчер¹), уже с 90-х годов XX века осуществляется попытка аннулировать влияние русских революций: здесь идет речь о политической, идеологической, территориальной ревизиях, ревизии результатов первой и второй мировых войн, распада государств и создания новых – так называемой ликвидации социализма в Европе: ситуация, в некоторой степени напоминавшая перемены, происходившие после Великой войны в 1918-м году, но, очевидно, в гораздо большем масштабе. Это хорошая основа для критической оценки и рациональной переоценки так называемых русских революций и личностей с ними связанных в отношении их идеализации в период расцвета марксизма-ленинизма, когда ряд вещей искажался или отрицался, и когда появился идеоло-

1 См. новейшее чешское издание: Lev Trockij: Zražená revoluce. Doplněk, Brno 1995. Далее: I. Deutscher: The Unfinished Revolution. Russia 1917–1967. Oxford University Press, London 1967. См. и другие его книги: Die ungelöste Judenfrage: zur Dialektik von Antisemitismus und Zionismus. Rotbuch, Berlin 1977. Stalin: A Political Biography. Oxford University Press, New York 1949. Lenin's Childhood. Oxford University Press, London 1970. См. и его двухтомную монографию о Льве Троцком (1963, 1970).

гически вычищенный образ большевистской революции и ее главных участников.

Сегодня наблюдается другая опасность: значение русских революций во всей их совокупности начинает минимизироваться, замалчиваются их причины, их успехи и сама реализация революционных целей. После 1991-го года в Российской Федерации, пришедшей на смену СССР, стала утверждаться мысль, что настоящей революцией была Февральская, в то время как большевистская Октябрьская была простым переворотом. Об этом свидетельствует не только специальная литература первой половины 90-х годов XX века, но и ряд неофициальных выступлений, поддерживающих президента Ельцина. Это была идеологическая доктрина, часто используемая бывшими советскими идеологами (сам Ельцин может служить здесь примером), которая была призвана пересмотреть не только советскую, но и всю мировую историю. Конечно, нельзя отрицать, что способ, которым осуществлялась большевистская революция, напоминал скорее путч, собственно – дворцовый переворот, где речь шла скорее лишь о захвате столицы империи, но значение этого «переворота» полностью превзошло концептуально неопределенную Февральскую революцию, цели которой хотя и могли быть благородными, но не сыграли большой роли в реальном развитии русского общества, хотя на Западе на это надеялись некоторые силы, в том числе и Т. Г. Масарик, друживший с некоторыми революционными представителями. Как любой радикальный переворот большевистская революция имела свои этапы, которые были более или менее успешно описаны. Тем не менее, решающую роль сыграли события XX века. Было бы жаль не воспользоваться правом свободы слова и научного исследования по отношению к действительно критическому образу русских революционеров, чтобы не пришлось нам вместе с ванночкой выливать и купающегося в ней ребенка, то есть твердить, что речь шла о незначительном событии, и его участники ничего не значили, как у нас после 1989 года, например, говорилось о Ф. Энгельсе. Было ли это развитие событий после 1917-го года положительное или отрицательное – это, несомненно важный вопрос, но для исторического исследования гораздо более важны размышления о причинах революции – почему, например,

большевистская революция победила и как внутренне менялась и развивалась, проходя через индустриализацию, коллективизацию и массовые убийства, каковы были ее международные аспекты и как воздействовала она на социальные структуры мирового общества, а также как отразилось это на нашем времени.

Феномен русской революции был решающим и при формировании личности Т. Г. Масарика. Главная работа Масарика «Россия и Европа», которая для нас была основным источником информации, представляет русистику в широком смысле слова: филологическая или, лучше сказать, литературно-критическая, или литературоведческая русистика содержится, главным образом, в третьем томе этой работы, изданном в новой редакции в 1995-м году на немецком языке и на чешском на год позже. Чтобы понять Достоевского, Масарик как увлеченный читатель пускается в глубокое и с точки зрения материала широкое исследование источников русской философии и общественного мышления. Если посмотреть на первые два тома «России и Европы», то можно заметить, что в русской истории Масарик избирает темы по двум основным критериям: согласно тому, насколько ему близки или что сам Масарик считает типично русским или отличным от привычных евроамериканских моделей (Достоевский, а также русские хроники или летописи, переходящие в историографию, понятие «русский монах» и тяга к теократии в целом, Владимир Соловьев, русский анархизм Бакунина и Кропоткина и, главное, русский вариант марксизма). В настоящее время обнаруживается и другой критерий, по которому можно судить об отношении Масарика к изучаемым явлениям: это выражается в эксплицитной оценке или в трезвом, точном, глубококомментарии.

Там, где Масарик эмоционален, речь идет о притягательности темы или авторском несогласии, там, где он спокоен, серьезен, где в языке и стиле выражается симпатия и спокойствие, речь идет о глубоком интересе в плане близости его взглядам и понятиям. Так, например, Масарика заинтересовали первый, вероятно, русский философ Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), представитель революционно-демократического русского западничества Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), Александр Герцен (1812–1870), некоторые славянофи-

лы и западники, такие, как например, Иван Киреевский (1806–1856), но особо интересен своим дидактизмом и максималистическим утопизмом для него был Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889). В то время как в двух первых томах Масарик избирает *de facto* спокойный повествовательный тон, оценку которого мы уже отметили, в последних двух частях третьего тома, в котором, кроме исследования о Достоевском (на 150 страниц), содержится также дополнительная информация о персоналиях, авторский тон уже более субъективный и эмоциональный.

Интерес к России у Масарика был связан с общей идейной и культурной переориентацией.² В дискуссии с Карелом Чапеком он критикует, например, поверхностное отношение чехов к немецкой культуре, особенно к философии: с одной стороны – практически полное отрицание, с другой стороны – рабская зависимость: «*Studenti byli vychováni tehdejšími liberalismem: má vstupní přednáška byla o Humovi a skeptici – to zaráželo, že jsem uvedl filosofii anglickou, i tím, že jsem hochům předložil a kritizoval problém skepse. Mou kritiku Kanta a německé pokantovské filozofie univerzitní kruhy nerady viděly – to nešťastné protiněmecké vlastenčení a ta faktická závislost na Němcích.*»³. В то же время Масарик ни в коей мере не отрицал значения немецкой мысли: он и сам, как известно, писал, прежде всего, по-немецки, и его любов-

[99]

2 См. подробнее I. Pospíšil: T. G. Masaryk a literárnost ruské revoluce, in: Tomáš Garrigue Masaryk a ruské revoluce. Sborník příspěvků z V. ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně 19. listopadu 1997, Masarykovo muzeum, Hodonín 1998, s. 5–13. T. G. M.: Rusko a Evropa, I.–III., Praha 1996. I. Pospíšil: Několik poznámek k Masarykovu pohledu na Rusko a ruskou literaturu (T. G. Masaryk: Rusko a Evropa I.–III. Ústav T. G. Masaryka, Praha 1996). Svět literatury 1997, č. 14, s. 106–109. I. Pospíšil: Václav Černý a ruská literatura. Slavія 1994, 3, s. 331–337. I. Pospíšil: К вопросу об отношении Т. Г. Масарика к русской литературе. In: Т. Г. Масарик и Россия. Развернутые тезисы докладов международной научной конференции. Институт «Открытое общество», Общество братьев Чапек в Санкт-Петербурге 1997. См. также I. Pospíšil: Rusko a ruská literatura jako katalyzátor politického myšlení T. G. Masaryka a několik souvislostí. Colloquia Litteraria Sedlcensia. Studia minora, volumen VII, ed.: Iri-na Poročkina i Roman Mnich. Sankt-Peterburg – Siedlce 2014, s. 11–22.

3 К. Čapek: Hovory s T. G. Masarykem. Čs. spisovatel, Praha 1990, s. 102.

ные письма молодости полны архаизмов, которые напоминают более средневековую чешскую литературу, нежели возрожденный чешский язык нового времени.⁴

Ориентация на англо-саксонскую и французскую мысль была дополнена интересом к России, где Масарик был несколько раз; часто обращается внимание на то, что Масарик, также как и его ученик З. Неедлы, был частым гостем в Ясной Поляне. В 1910 году Масарик едет в Россию в третий раз и в том же году встречается с немецким издателем Дидериксом, благодаря чему его давнее намерение (еще рубежа веков) написать книгу о России наконец-то могло начать реализовываться.

С самого начала – это идея литературности русской революции, которая исходит из факта, что основные координаты русской литературы, по сути, уже с конца 18 века (в более скромных масштабах) имели склонность к описанию русского общества и указывали на необходимость более или менее радикальных перемен. В первой трети 19-го века вполне регулярно использовались такие понятия, как, например, «гласность» и «перестройка», которые позже как «археологическая находка» появились во времена Горбачева со старославянской метатезой «глас» вместо восточнославянского полногласного «голос» (слова старославянского/церковнославянского происхождения присутствуют и в современном русском языке, как известно, в высоком стиле и обозначают чаще всего абстрактные понятия).⁵

4 Nechte mne zapomenouti na sny mé: korespondence T. G. Masaryka se Zdenkou Šemberovou. Edičně připravila úvod, doslov a ediční poznámku i vysvětlivky napsala Marie Krulichová. Česká expedice, Riopress, Praha 1996.

5 I. Pospíšil: T. G. Masaryk jako rusista. In: Tomáš Garrigue Masaryk a věda. Sborník příspěvků ze VII. ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně 10. listopadu 1999. Masarykovo muzeum v Hodoníně, Hodonín (2) 2000, s. 88–99. I. Pospíšil: Několik poznámek k Masarykovu pohledu na Rusko a ruskou literaturu (T. G. Masaryk: Rusko a Evropa I.–III. Ústav T. G. Masaryka, Praha 1996. Svět literatury (2) 1997, č. 14, s. 106–109. I. Pospíšil: T. G. Masaryk a literárnost ruské revoluce. In: Tomáš Garrigue Masaryk a ruské revoluce. Sborník příspěvků z V. ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně, 19. listopadu 1997. Masarykovo muzeum v Hodoníně, Hodonín 1998, s. 5–13. I. Pospíšil: Diachron-

Главной целью русской революции было изменение общественного строя или хотя бы системы правления, а главной целью этой революционной перемены, о радикальном или ненасильственном характере которой велись дискуссии, – было высвобождение огромного человеческого и материального потенциала империи с тем, чтобы Россия стала мировой сверхдержавой. Литература в России в течение веков выполняла функцию, которую в других странах выполняли специальные науки и философия; люди в России наделяли литературу особой силой, считали ее источником мудрости, развлечения и эстетического удовольствия, но, прежде всего, видели в ней источник предсказаний и пророчеств: здесь русская литература, никогда в полной мере так и не секуляризованная, перекликается с третьей фазой гегелевского развития абсолютной идеи с его *Vorlesungen über die Ästhetik*, где литература ставится на первое место среди всех видов искусств.

По сути все великие русские писатели имели склонность к выходу за пределы сферы литературы и искусства вообще в сферу документов, науки и политики: потому их литературные произведения обладают глубоким дидактическим значением. Н. М. Карамзин (1766–1826), культиватор сентименталистской поэтики, автор туманных рассказов и предромантических инцестных оттенков, страстный путешественник, который испытал позитивные и негативные стороны первой английской промышленной революции, масштаб цивилизованного

[101]

ní dimenze ruského literárneho textu (Puškin – Bondarev – Grjagalov). In: K. Lepilová a kol.: Text a kontext. Brno 2008, s. 86–107. I. Pospíšil: Znovu k problému diachronní hloubky literárneho textu. In: Jazyk a komunikácia v súvislostiach III. Red.: Oľga Orgoňová. Filozofická fakulta Univerzita Komenského, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, Bratislava 2011, s. 11–19. ISBN 978-80-223-2942-2. Pospíšil, I.: К вопросу об отношении Т. Г. Масарика к русской литературе. In: Т. Г. Масарик и Россия. Развернутые тезисы докладов международной научной конференции. Институт «Открытое общество», Общество братьев Чапек в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургская Ассоциация международного сотрудничества, Санкт-Петербургская Ассоциация друзей Чехии и Словакии. Санкт-Петербург 1997. Rusové a Morava. Sborník příspěvků z konference. Brno 2007. T. G. Masaryk: Rusko a Evropa. Studie o duchovních proudech v Rusku I–III. Ústav T. G. Masaryka, Praha 1996.

общества, городского транспорта, финансового капитала, а также видел первый смог на свете («Письма русского путешественника», 1791), после чего отступил от всего, что он создал, в рассказе «Марфа посадица, или Покорения Новагорода» (1803), и после основал собственный альманах и журнал «Вестник Европы», а с 1804 года стал царским историографом и, позднее, автором «Истории государства российского» (1818–1824).⁶

Достаточно известны переходы А. С. Пушкина от лирической поэзии к прозе, а затем и к истории, подобные же переходы наблюдались и у А. Герцена, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бродского, А. Солженицына. Все великие российские авторы использовали литературу как инструмент для поучений, проповедничества или пророчества; потому часто перемещались в нехудожественные и неэстетические сферы, нередко эстетику полностью игнорировали. Тем не менее искусство вообще и литература в частности не является лишь общественным фактом: как вид искусства литература имеет свою логику развития, создающую поэтологические цепочки преемственности и художественную целостность. И хотя литература является полифункциональной, но лишь в русской литературе ее этическая и дидактическая стороны гипертрофированы как результат не до конца осуществленной секуляризации, и вынужденная полифункциональность художественной литературы в ситуации практического отсутствия науки, философии и в разной степени усиливающейся или ослабевающей цензуры. Революция была идеей-фикс для всей литературы XIX века и отчасти всего XX: концепции революции иногда отличались диаметрально, но основная идея революции оставалась неизменной для всех сторон. Потому иногда все развитие русского революционного движе-

6 I. Pospíšil: Dvorní historiograf na přelomu epoch (N. M. Karamzin). Kmen 1983, č. 24, s. VIII. Týž: Život protopopa Avvakuma a Karamzinovy Dopisy ruského cestovatele jako uzlové body ve vývoji ruského románu. In: Litteraria Humanitas V – Západ a Východ II, Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa). Masarykova univerzita, Brno 1998, s. 85–109.

ния можно было бы обобщить двумя названиями произведений – «Кто виноват?» Герцена и «Что делать?» Чернышевского.¹

Таким образом, первым тезисом является литературность русской революции: в литературе революция впервые появилась, в литературе культивировались ее идеи, в литературе она меняла свой облик и в литературе же она была компрометирована (сборник «Вехи» 1909 г. Н. Бердяев, в художественной литературе – Л. Андреев).

Целью русской революции в широком смысле были далеко не одни социальные вопросы, хотя это так воспринималось и оказывалось примером для других государств (например, рабочее движение в Австро-Венгрии и первая русская революция 1905–1907 гг.); главные цели были национальные, чисто русские, хотя зачастую подавались как славянские, мировые и общечеловеческие: русская революция в этом смысле имела мессианский облик. Свидетельством здесь служат, например, международные связи русских революционных литераторов и их идеология. Например, произведения П. Свирина (1787–1839), русского дипломата в США в 10-х годах XIX века, который таким образом установил связь между Россией и недавно возникшими Соединенными Штатами Америки; декабристы были крупными пропагандистами российской экспансии в Северной Америке вблизи США (русская Аляска, русские поселения в Калифорнии и на тихоокеанских островах): не только русское революционное движение, но и приметы либерализма были направлены на усиление позиций России (переписка Екатерины Второй с Джорджем Вашингтоном об индейских наречиях, о Екатерине вдохновенно писали Вольтер и Дидро, модная переписка дамы с героем нового времени); Радищев, кроме прочего, обращается к Д. Вашингтону в оде «Вольность» (1790), которую сделал частью своего главного труда – «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790); он же трагическим образом изменил судьбу писателя. Здесь появляются первые призывы к революционному насилию. И большевистская революция, начинающаяся как мировая и заинтересованная

1 I. Pospíšil: *Povaha a vývoj ruského románu (Nástin problematiky)*. SPFFBU, XLV, D 43, 1996, s. 53–66.

в техническом смысле в американизации, вылилась в борьбу за гегемонию России.⁸

Именно русская литература со значительным интересом к революции является широким пространством, где появляются и сталкиваются различные идеи, кружащие вокруг идеи-фикс – то есть самой революции; в этом ключе можно понимать на первый взгляд парадоксальное высказывание Ленина о Льве Толстом как о зеркале русской революции: литература как поле битвы революции и контрреволюции, либерализма, консерватизма и радикализма.

Т. Г. Масарик, кстати, стал политиком скорее вынужденно; он был, прежде всего, страстным читателем и знатоком мировой литературы, произведения которой читал в оригинале – по-французски, немецки, английски и русски. Известен его комментарий из «Разговоров» Чапека, где он хвалит то, как хорошо быть президентом: что с этого человек ничего не имеет, но хотя бы может купить себе книг сколько душе угодно. Философские и социологические работы Масарика обладают сильным литературным акцентом, и не было случайностью то, что Масарик проявил себя как эстетик, литературный критик и теоретик (*O studiu děl básnických*, 1884). Россия была в его жизни судьбоносным явлением: можно даже полагать, что на основе русского феномена разыгралась его тяга к социальным вопросам, его контакт с марксизмом вплоть до его отрицания, проблемы демократии и теократии, реформизма и радикализма; в этом смысле Россия предоставляла ему огромный материал, весьма наглядный, неискаженный многолетней политической традицией и ее фальсифицирующим этикетом.

Свой труд «Россия и Европа» Масарик расценивал как инструмент, который должен был ему помочь лучше понять Достоевского, одного русского писателя: это должно было быть большое увлечение, *Naßliebe*, любовь-ненависть, которая его с Достоевским связывала, – и еще более, чем любовь и ненависть – это было осознание точности, с которой Достоевский описал феномен России на фоне всех обычных

8 См. D. Boden: *Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. Cram, de Gruyter Co., Hamburg 1968. I. Pospíšil: *Dynamika rusko-amerických literárních vztahů od počátku do konce 19. století*. Universitas 1973, č. 5, s. 28–35.

сомнений человеческой души; Достоевский также говорил о себе, что он реалист – «реалист в высшем смысле слова»; в Достоевском, которого чешский журналист 19-го века в кратком некрологе весьма точно назвал «революционером, вооруженным царским орденом», концентрировано все противоречивое ядро русской революции – за и против, русский максимализм и русская любовь к крайностям и пропастям, метафизическая глубина революции и ее экзистенциальное измерение. Подобным образом русскую революцию увидел и уже упомянутый выше Л. Андреев: он не нравился Масарику из-за так называемого декадентства, а также и потому, что размывал ясные, рационально-реалистические этические контуры. М. Горький был тогда для Масарика связан с новым оптимистичным видением мира, которое воспринимает все глубины метафизики и выходит из них как бы очищенным на свет божий: рассказ Горького «Горящее сердце» из цикла «Старуха Изергиль» – еще близкий русскому ницшеанству своей установкой на необходимость вождя и неизбежность сверхчеловека (чего Масарик вероятно не заметил или не хотел замечать) – предоставлял ему подходящий ключ. Отношение Масарика к русской литературе и тому, что он считал в ней значительным, оказывается отражением его отношения к русской революции, которой русская литература буквально переполнена: с одной стороны – притяжение, с другой – страх и отступ. Т. Г. Масарик предложил продуктивный интерпретационный ключ к феномену русской революции: чуткое, мягкое, ни в коем случае не радикальное отношение, которое ведет к открытию и обнажению явления, а не к его боковой атаке.

11051

Увлечение Масарика Россией, Достоевским и русской революцией доказывает в известном смысле фатальность феномена России, русского мышления и русской культуры и переворачивает представление о России как о незначительном или совершенно чуждом явлении. Масарик начал знакомиться с Россией в XIX веке, его заинтересовала литература и ее связь с революционным решением общественного кризиса, в России, наконец, находит начало и развитие его судьба политика и представителя молодого государства. Известно, что у Масарика были иногда и принципиальные несогласия в отношении разных форм так называемой русской революции, также известно и его

отношение к марксизму и большевизму. С другой стороны, очевидный скепсис по отношению к теориям и методам русской революции, как воплощала ее на протяжении нескольких десятилетий именно русская литература, мог быть лишь внутренней личной защитой Масарика против темных глубин, в которые уводило его изучение феномена России и в которые с такой страстью он проникал, будучи, однако, всегда вооружен и защищен щитом собственной культуры европейского континента и англо-саксонской смысловой конкретности и практичности. Так, или подобным образом, с призраком русской крайности и безграничности, проявляющихся в феномене русской революции, встречались также Вацлав Черны⁹ и Карел Чапек, находящиеся между немецким романтическим титанизмом (несохранившаяся семинарная работа о Фаусте), французским модернизмом (переводы Французской поэзии нового времени), американским прагматизмом (опубликованная семинарная работа «Философия практической жизни») и русским максимализмом и пессимизмом (Достоевский, Чехов).¹⁰

Лишь на первый взгляд неожиданным может показаться восприятие России как катализатора или провокатора первой искры и такими деятелями как Отокар Бржезина, Леош Яначек или Ярослав Дурых. Участие Яначека в Русском кружке в Доме беседы достаточно известный факт, также как и то, что он восхищался русским языком, изучал русский язык и писал по-русски, что его увлечение Россией проникло и в его личную жизнь (в переложении для фортепиано «Ее пастушке» он пишет посвящение дочери по-русски, на ее могиле присутствует кириллическая надпись). Для Отокара Бржезины славяне представляли собой одно целое во главе с Россией (хотя он и понимал ее ослабленное положение в 1917-м году), и он размышлял о русском языке – по следам Л. Штура.¹¹

9 I. Pospíšil: Václav Černý a ruská literatura. *Slavia* 1994, 3, s. 331–337.

10 I. Pospíšil: „Stará“ a „nová“ komparatistika: pragmatismus a ruský maximalismus u Karla Čapka. *Opera Slavica* 1993, 1, s. 16–24.

11 I. Pospíšil: K civilizační roli Ruska a SSSR: Vasilij A. Žukovskij – Ludovít Štúr, Břetislav Palkovský. In: *Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812,*

У Ярослава Дурыха было, прежде всего, его экстремальное отношение к некоторым проявлениям католицизма, явление, вырастающее из барочной поэтики и барочного понимания реальности: здесь мы найдем внутреннюю близость с русскими (не знающими «золотой середины», только крайности), увлеченными католицизмом и его барочными проявлениями (Гоголь и его пребывание в Италии, Достоевский и его «Легенда о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых»).

Особенно любопытны размышления Дурыха о коммунизме, например в работе «Жду слова освобождающего» (*Čekám na slovo osvobodující*). Статья Дурыха в известной анкете «Почему я не коммунист», которую не позволил издать даже демократ Пероутка, потому что при всей своей объективности эта оценка была парадоксально позитивна, хотя и выростала из характера Дурыха и отвечала уровню знаний того времени, но отражала также и удивительные взаимосвязи.¹²

Также создание кружков, в России изначально политических, и потому часто нелегальных, в Чехии с начала XX века – ориентированных на культуру и политику, было вдохновлено Россией, также как и пафос коллективизма научной работы и объединения исследователей (в этом США и Россия были весьма подобны – не случайно в 20-х годах говорилось об американизации России, излюбленный Чапеком прагматизм в советской России 20-х годов был вполне популярен и проявился под влиянием Дьюи также в педагогике).

Ленин (1870–1924) был на двадцать лет моложе Масарика (1850–1937) и выросал в совершенно ином пространстве; его политическую деятельность можно отчасти понимать как сознательную месть за

11071

1941, 1991): jazyk – literatura – dějiny kultury. Eds: Ivo Pospíšil, Josef Šaur. Masarykova univerzita, Brno 2012, s. 139–156.

12 Jaroslav Durych publicista. Editor Zuzana Fialová, doslov Jaroslav Med. Academia, Praha 2001. Jaroslav Durych. Život, ohlasy, soupis díla a literatury o něm. Obálku s použitím kresby Albrechta Dürera, vazbu a grafickou úpravu navrhl Boris Mysliveček. Stručný životopis napsal Václav Durych, text Knižní tvorba Jaroslava Durycha napsali Jiří Kudrnáč a Karel Komárek. Soupis díla Jaroslava Durycha a literatury o něm zpracovala Věra Vladyková. K vydání připravila Jitka Uhdeová. Vydalo nakladatelství Atlantis v Brně roku 2000.

смерть брата и поиск иного пути, нежели был народнический терроризм. В определенном смысле, Ленин и Масарик – антиподы, хотя оба принадлежат к реалистической, по сути позитивистской генерации, Ленин – к ее радикальному крылу, черты которого в значительное мере предвосхитили так называемые революционные демократы, которые во многом сближались с марксизмом. Оба были типичные полемисты: их тексты чаще всего начинаются как полемика с какой-либо установкой и только потом переходят к позитивному изложению. Для обоих высшей ценностью была демистификация, часто и шокирующая провокативность суждений, отрицание традиционного мышления: у Ленина этот радикализм во многом сохранился, хотя и подвергался иногда коррекции (НЭП), Масарик никогда не отступил от идеализма Платона и связи с религией, с прагматическим и трансцендентным христианством, на что, конечно, имела влияние его жена-американка из семьи гугенотов.

1081

Новый сборник брненских историков и политологов¹³ осуществил попытку снова кратко рассмотреть феномен Ленина, что само по себе имеет позитивное значение. Книга содержит исследования, эссе различного научного уровня, в которых, однако, очевидно не хватает более глубокого знания и понимания русского прошлого и настоящего, мышления и литературы. Исключением является вступительная статья обоих редакторов Йиржи Гануша и Радомира Влчека, которая создает более или менее целостный образ сборника и может быть неплохой методологической основой; кроме обязательного цитирования западных авторитетов здесь можно найти и имена Ярослава Бидла, Яна Славика¹⁴ или Йозефа Мацурека; а если уж речь зашла о брненском издании, то стоит упомянуть и брненских учеников

13 Jiří Hanuš, Radomír Vlček a kol.: Lenin. Kontinuita a/nebo diskontinuita ruských dějin? Centrum pro studium demokracie a kultury, edice Dějiny a kultura, sv. č. 25, Brno 2013.

14 См. чешский сборник о Я. Славике и нашу рецензию в НР: Kritické myšlení je často bojem proti všem (Život plný střetů. Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978). Sestavili Lukáš Babka a Petr Roubal. Bibliografie Jana Slavíka. Petr Mervart / Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, Praha 2009). Novaja rusistika 2010, 2, s. 120–123.

Мацурека (например, Франтишека Гейла) или других или учеников учеников (например, Рудольфа Фишера). Во вступительной статье, по сути, основательно и четко разобраны вопросы личности Ленина и его произведений, которые могут показаться непрофессионалу случайным набором текстов. Немного не хватает здесь его русской и европейской укорененности – поколенческой и, шире, – политической, особенно если осознать, сколько лет Ленин прожил за пределами России, и то, что за словом «большевик», считающимся в Чехии почти оскорблением, не скрывается ничего иного как «радикальный социал-демократ». Эти по сути политические проблемы, к сожалению, в сборнике не представлены. Ленин здесь рассматривается не в контексте своих произведений, а скорее в контексте маргинальном. Аксиологическая априорность основных статей, особенно тех, в которых не представлена серьезная аргументация, не ведет ни к постановке вопроса, ни к хотя бы частичному поиску ответа на вопрос – что стало причиной того, что этот странный политик, слабый философ и политолог принципиальным образом повлиял на всю историю прошлого столетия, и насколько сильно проявляется его влияние на чешскую литературу в период между двумя войнами. Здесь, конечно, не поможет его деминимизация, и по-прежнему существует необходимость комплексного исследования с точек зрения различных отраслей наук, которые могли бы рассмотреть фигуру Ленина и его период с разных сторон, непредвзято, по делу, исторически и с осознанием всех связей.

11091

Изучение русских революций XX века означает также и изучение личностей с ними связанных, а Ленин здесь играет не последнюю роль. Потому есть потребность в новых чешских четко отобранных и комментированных изданиях ключевых ленинских работ, необходимы новые книги и исследования с этим связанными, переоценка чешской ленинологической литературы, которую нельзя отбросить как незначимую, особенно если речь идет о текстах периода чехословацкой Первой республики. В это время в данном направлении исследований *sine ira et studio* чешские земли были мировым авторитетом, хотя сегодня мы лишь механически цитируем западных авторов.

В этой связи важной для нас фигурой является Зденек Неедлы (1878–1962), которого младшее поколение уже не знает, – в первую

очередь, коммунистический министр образования, забавный старик, бормочущий что-то о славянах и Советском Союзе. Тем не менее, знаменитый фильм Менцеля «Жаворонки на нити» изобразил его (в исполнении довоенного и послевоенного коммуниста, любовника Адины Мандловой Владимира Шмерала) неоднозначно: он ведет себя официально, когда появляется среди «бывалых людей», но говорит что-то себе под нос, что не соответствует той эпохе, он как будто бы потерял во времени и вспоминает старое доброе прошлое. То, что З. Нееды был прогрессивный молодой эстетик, который, кроме прочего, открыл нам Бенедетта Кроче, современную духовную теорию искусства, психологические методы, был также теоретиком музыки, автором монографии о Масарике и Ленине, – об этом знают уже лишь избранные, и об этом не пишут в газетах. Изменить его схематизированный образ удалось только Йиржи Крштяну после многолетнего внимательного исследования.¹⁵ Его отношение к России, СССР, коммунизму (к которому он также принадлежал) оставалось амбивалентным. Практически всеми он воспринимался как соратник – человек между Сциллой и Харибдой. Лишь немногие заметили, что Нееды случайно встретился с Гитлером по вопросам музыкальных интересов, что его жизнь была подвергнута смертельной опасности в СССР, где он мог стать жертвой репрессий, его стремления вписать коммунистическое движение в исторический и культурный процесс и его уважения к классикам.¹⁶

Русские революции у нас всегда воспринимались – в полном соответствии с их реальными источниками и социальными принципами, т. е. нефункциональностью системы – как революции, выходящие из

15 Jiří Křesťan: Zdeněk Nejedlý. Politik a vědec v osamění. Paseka, Praha – Litomyšl 2012.

16 См. нашу рубрику рецензий: Spozna Moravy. Jiří Křesťan: Zdeněk Nejedlý. Politik a vědec v osamění. Paseka, Praha–Litomyšl 2012. Ondřej Vojtěchovský: Z Prahy proti Titovi. Jugoslávská prosovětská emigrace v Československu. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Praha 2012. Eva Kantůrková: Tajemství sametu. O zákulisí převratu 1989 s režisérem Jirím Svobodou. Akropolis, Praha 2013. Václav Štěpánek: Balkán po roce 1944. Brno 2013. Slovenské pohľady 2014, č. 5, s. 149–151.

литературы, и в нее же возвращающиеся. Исследование их литературных рефлексий и обществоведческой и политологической литературы, им посвященной, необходимо для понимания русского феномена вообще и его европейских и мировых связей в частности. Сегодня это звучит особо актуально.

